

которое было рассмотрено Ю. В. Манном в его анализе романтического эпоса³, но не привлекло к себе внимания в романтической лирике. Отчуждение героя Вяземского, как и отчуждение Пленника и Алеко, вылилось в бегство, но если герои поэм Пушкина бегут в «чужие края» и к цыганам, то герой Вяземского — в уныние.

Уныние — сложный нравственно-эмоциональный комплекс, располагающий к размышлению, но не праздному, а «полезному», размышлению — источнику творчества. Лишь в унынии рождаются поэтические творения, возможен самоанализ. «Уныние» зримо противоречит представлению о Вяземском как о поэте, которому чужды «романтический лирический герой, тон исповеди, непосредственное обнаружение внутреннего человека ... Индивидуалистический самоуглубляющийся человек не привлекает внимания Вяземского. Личность он воспринимал в ее деятельности, в ее гражданской функции»⁴. Но мог ли такой поэт написать:

Так! Отъезжать люблю порою,
Чтоб в самого себя войти,
И говорю другим: прости,
Чтоб поздороваться с собою.

И мог ли он написать «Уныние»? Уныние — новое представление о счастье — невозможно для Вяземского без «сопутника»:

Сопутник твой, сердечных ран целитель
Труд, благодатный труд их муки усыпил,
Прошедшего — веселый искупитель!
Живой источник новых сил!

Так обращение к унынию дополняется обращением к труду, и оба эти понятия сливаются в одно.

Все изменило мне! ты будь не безответен!

В этом обращении к труду, «живому источнику новых сил», слышится почти мольба. В труде «слилось» «с утраченным грядущее», ведь труд — поэзия, и в поэзии «живой источник новых сил». Воспоминания прошедшие, прежние мечты дают поэту материал для стихов:

Воспоминание, как чародей богатый
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает

(«Первый снег»)

Снова вспоминаются слова Пушкина о «Первом снеге» и «Унынии»: «они пленительны и оживительны». Причем это более об «Унынии», ведь оно — прелестнее, оно (как собирался написать поэт) — «полное чувств» (XIII, 366). Необычность сочетания слов «уныние» и «оживительно» подводит к необычному, но единственно верному в контексте элегии Вяземского, понимаю смысла, вложенного в слово «уныние».

И глубинный смысл образа Вяземского, и пушкинское понимание проблематики «Уныния», и собственное представление Пушкина о вопросах, поставленных в стихотворении, — все это освещается новым светом, если вспомнить, как решается вопрос о счастье в «Евгении Онегине». Вопрос о том, в чем счастье и возможно ли оно, был роковым для главного героя романа. Онегин думал: «вольность и покой — замена счастьем...» и был спокоен, почти счастлив, пока страсти не нарушают гармонии. Следуя светским законам, противным законам природы, ее «воле», он убивает Ленского и лишается «покоя» навсегда. Преследуемый «окровавленной тенью» друга, он «начал странствие без цели». «Им овладело беспокойство»,

³ Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., «Наука», 1976, с. 34.

⁴ Гинзбург Л. Я. П. А. Вяземский. — В кн.: Вяземский П. А. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1958, с. 21.